

Этот номер *Pro et Contra* продолжает тему, начатую в предыдущем: взаимоотношения церкви, общества и государства в странах Восточного христианства. Между странами обнаружилось много общего, тем более что, за исключением Греции, все они в той или иной степени ощущают на себе последствия коммунистического правления и церковных гонений.

Сегодня практически во всех рассматриваемых странах церковь входит в число институтов, пользующихся максимальным доверием. Таково положение церкви и в Молдове, и в Сербии, и в Румынии. То же справедливо и для России, и для Украины

(хотя, как будет сказано ниже, ситуация с церковью здесь сильно отличается от российской). Украинцы доверяют «церкви вообще» более чем кому бы то ни было — существенно больше, чем президенту и вооруженным силам. У нас церковь тоже пользуется большим доверием граждан, но, в отличие от большинства православных стран, в России смена власти не стала частью политической жизни, и на первом месте в нашей стране все-таки президент — как воплощение российской государственности.

Практически все наши авторы подчеркивают, что православие — не только (а иногда и не столько) вопрос веры в бога, сколько основание для самоидентификации. «Православие для россиян в первую очередь культурная и национальная идентичность, дающая некое чувство общности, а отнюдь не религиозная», — говорится в статье о Русской православной церкви. Роль религии как инструмента самоидентификации отмечает и автор текста о Молдове. «Христианство — один из факторов самоидентификации армян», — пишет исследователь армянской церкви (в этом случае важнейшую роль играет то, что Армянская апостольская церковь, в отличие от православия, является религией всего одной страны).

Тесная связь между государственной властью и церковной иерархией (несмотря на формально

закрепленное в конституции отделение церкви от государства) также отмечена применительно ко многим из рассмотренных стран. В материале о России приводится множество примеров активной поддержки политики государства со стороны церкви: «тесные отношения» РПЦ с силовиками, активное участие церкви в гонениях на НКО и правозащитников, содействие РПЦ действующей власти в период выборов и т. д. «Глубокая вовлеченность церкви в партийную борьбу» отмечена в статье о Молдове.

Среди сходств — также и то, что число объявляющих себя православными существенно превосходит количество тех, кто посещает службы, соблюдает обряды (для России в 2012 году, по данным Левада-Центра, — соответственно 74 и 11 проц.) и уж тем более участвует в церковной жизни. Подобное расхождение наблюдается и в Сербии, и в Румынии, и в Молдове, хотя в последнем случае масштаб иной — присутствие церкви в жизни молдавского общества заметно больше, чем в России.

Немало общего и в финансировании церкви, которая нередко пользуется особыми привилегиями, и к тому же данные о ее экономической жизни, источниках дохода, уплате налогов и пр. часто недоступны обществу. О непрозрачности церковных финансов говорится и в «русском» тексте, и в «греческом».

Между тем в силу очевидных причин положение церкви в Греции не такое, как в посткоммунистических странах. Элладская православная церковь является продуктом новогреческой государственности, сложившейся в начале XIX века. Церковная традиция здесь не прерывалась; здешняя церковь не переживала периода жестких политических гонений и неизменно играла значительную роль в жизни как государства, так и общества. Даже по конституции церковь в Греции не отделена от государства. Вся жизнь греков пронизана православием. Всякого грека крестят, женят и отпевают в церкви, в школе преподают Закон Божий, а среди светских законов присутствует норма, предусматривающая наказание

за богохульство. При этом, в отличие от России и ряда других посткоммунистических стран, где влияние церкви растет, в Греции оно неуклонно, хоть и не быстро, снижается. Священники постепенно утрачивают статус уважаемого и зажиточного сословия. Именно в силу того, что традиционная жизнь греческой церкви не прерывалась, в процессе неизбежной модернизации и из-за популярности в Греции левых настроений снижается пиетет перед церковью. Религиозная тематика активно используется в творчестве греческих карикатуристов, которые, например, могут изобразить премьер-министра страны продающим дерево прямо с креста.

Коммунистическое прошлое определяет не только общие черты, но и значительные различия между странами. Крах коммунизма сопровождался разнообразными драматическими событиями, которые не могли не отразиться на положении православных церквей и их роли в становлении новой, посткоммунистической государственности. Падение югославского режима привело к череде кровавых конфликтов между сербами, хорватами и боснийцами-мусульманами, с взаимным истреблением по религиозному принципу и разрушением религиозных сооружений. Тем в большей степени формирование сербской независимости и «возвращение к истокам» опирались на православное христианство и Сербскую православную церковь. В независимой Украине сохраняются значительные различия — культурные, языковые, исторические — между разными частями страны, создающие препятствия для «украинского проекта» — формирования единой нации и, соответственно, единой церкви. Сегодня в стране конкурируют между собой Украинская православная церковь Московского патриархата, Украинская православная церковь Киевского

патриархата и Украинская автокефальная церковь. В Молдове христиане разделены между Бухарестской и Московской патриархией. Кроме того, тяжелое экономическое положение в Молдове привело к массовой трудовой миграции, отчего особую роль приобрели «иммигрантские церкви».

В нынешнем номере мы публикуем материал **Тони Николова** о православной церкви в Болгарии, которую автор называет «невидимой»: в отличие от остальных православных церквей, Болгарская «прочно утвердилась на позиции политического нейтралитета». **Кристиан Василе** пишет о церкви в Румынии. После падения режима Чаушеску она заняла прочные позиции, в частности, благодаря своей роли в восстановлении преемственности с докоммунистической Румынией. Важным отличием Румынской церкви является установление уже в начале 1990-х годов активных связей с Ватиканом. Грузинская церковь, которой посвящена статья **Сильвии Серрано**, стремясь стать основой единства нации, принимает участие в бурной политической жизни Грузии. Сейчас, после очередной смены власти, отношения между правительством и Грузинской православной церковью вновь находятся в процессе перестройки. О Белорусской церкви, входящей в состав Русской православной церкви, пишет **Наталья Василевич**. В двух номерах авторы *Pro et Contra* описали положение дел в общей сложности в десяти странах Восточного христианства. Собранный нами корпус текстов анализируют на страницах *Pro et Contra* ведущие эксперты **Николай Митрохин, Александр Верховский и Борис Дубин**.

За пределами темы номера мы публикуем статью **Бориса Жукова** о реформе Российской академии наук и эссе **Тимоти Гартон Эша** о «новом германском вопросе».

Мария Липман, главный редактор